
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 811.161.1

ЗНАЧЕНИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ

THE VALUE OF THE CLAIM/DENIAL AS A MEANS OF EXPRESSING MODAL THE CONFIDENCE VALUES

Е.И. Ивницкий, И.А. Нагорный
Y.I. Ivnitsky, I.A. Nagorny

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема субъективной модальности как квалификативной категории. Подтверждается категориальный статус утверждения/отрицания. Анализируются языковые средства и способы выражения утверждения/отрицания в аспекте репрезентации модального значения достоверности/вероятности как показатели субъективной квалификации сообщаемого: интонация, частицы, синтаксический повтор, утвердительные и отрицательные слова. Определяются модусные смыслы, актуализированные в высказывании языковыми средствами выражения модальности достоверности/вероятности.

Abstract

The article considers the problem of subjective modality as a qualifying category. The categorical approval / denial status is confirmed. Language tools and ways of expression of the statement / negation in the aspect of representation of the modal value of reliability / probability are analyzed as indicators of the subjective qualification of the reported: intonation, particles, syntactic repetition, affirmative and negative words. Modus senses, actualized in the utterance by the linguistic means of expressing the reliability / probability modality, are defined.

Ключевые слова: высказывание, модальность, утверждение, отрицание, интонация, частицы, субъективная модальность.

Key words: utterance, modality, affirmation, negation, intonation, particles, subjective modality

---

Введение

В семантической структуре предложения модальность представлена как отношение сообщаемого к действительности либо как отношение субъекта речи к сообщаемому. А.М. Пешковский [1, с. 165] говорит о модальности как о субъективно-объективной категории, в которой есть и отношение между предметом и его признаком, и отношение между предметом и реальной/ирреальной действительностью. Модальность представляется именно такой усложненной категорией с разноаспектными отношениями.

В «Русской грамматике» модальность дифференцируется на объективную и субъективную. Объективная модальность охарактеризована как отношение высказывания к действительности, субъективная же локализуется на отношении субъекта к сообщаемому [2]. Что касается квалификативной сущности категории модальности, то это, конечно, сфера проявления субъективной модальности, отражающей на языковом уровне отношение субъекта речи к тому, что сообщается.

Следует отметить, что в лингвистике наличествует различное понимание субъективной модальности. Например, Г.В. Колшанский не подразделяет модальность на субъективную и объективную, а относит модальность к общей семантике предложения, не выделяя специальных средств выражения субъективной и объективной модальности [3]. Однако, по мнению многих лингвистов, для модальности характерны оригинальные языковые средства выражения, обладающие особой семантикой и проявляющие грамматический статус данной категории [4; 5]. Большинство исследователей сходны во мнении, что модальность – это отношение высказывания к действительности, то есть отношение к реальности или ирреальности сообщаемого, однако по-разному определяют те значения, которые выражаются в данном отношении. В этом плане актуальным остается, например, определение утверждения/отрицания как категории модальной.

А.В. Бондарко [5, с. 61] характеризует модальность как комплекс актуализационных категорий, для которых типично отношение говорящим пропозиции к действительности по доминирующему признаку реальности/ирреальности. В этот комплекс, среди прочих, входят категории со значением оценки достоверности, утверждения/отрицания, засвидетельствованности, с помощью которых и квалифицируется высказываемое. И если первое модальное значение достаточно исследовано, то последние не всеми лингвистами принимаются как модальные и рассматриваются во взаимодействии с модальным значением предложения. Между тем, в функциональной грамматике категории утверждения/отрицания, засвидетельствованности (в других источниках – авторизации), как и категория достоверности, не только имеют прямое отношение к модальности, но и могут выступать значимыми квалификаторами пропозиционального значения в высказывании.

Основная часть

Относительно утверждения/отрицания А.М. Пешковский [1, с. 422] отмечает, что данная категория – субъективно-объективная. В объективных категориях отражены на языковом уровне отношения между словами и словосочетаниями, а в субъективно-объективных категориях выражаются отношения говорящего к объективным отношениям. Другими словами, субъективно-объективные категории выражают отношение говорящего к представлению (пропозиции). Предложение *Дождь идет* вне контекста может рассматриваться как предмет, имеющий признак, а в речевой ситуации данное высказывание говорится в определенное время, с какой-то целью, интонацией, где обязательно учитывается точка зрения говорящего. А предложение *Ну и дождь идет!* с помощью частицы приобретает эмоциональную окраску, где точка зрения говорящего формально выражена, субъект речи квалифицирует высказывание как интенсивное или оценочное (в зависимости от речевой ситуации).

Субъективность категории утверждения/отрицания особенно ярко проявляется при усложнении пропозициональной структуры предложения. Это можно наблюдать в вопросно-ответных по форме конструкциях. Утвердительное слово «да» нередко выступает здесь в роли частицы, усиливающей значение утверждения или отрицания: *Да ничего страшного нет в учебе!* – *напористо и поучительно сказал Федор* (В. Шукшин); *Да разве же так она, война прикончится?* (М. Шолохов). В последнем случае частица «да» усиливает не само утверждение, а другую частицу (*разве*), которая вносит в предложение значение сомнения. Усложнение общепропозиционального значения

субъективно-объективными категориальными характеристиками делает высказывание субъективно более значимым, так как само усиление всегда субъективно обоснованно и имеет определенную коммуникативную задачу.

Утвердительное слово *да* может подтверждать ранее высказанное и иметь значение «действительно», «верно», «конечно». В таком языковом проявлении категория утверждения сближается с квалификативной категорией достоверности: *В глазах теплилась надежда. Да, именно надежда. Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей* (И.А. Бунин); *Нет, не выдумывайте, а расскажите все, как было* (К. Паустовский); *Да-да, разумеется! – торопливо разрешил Сидорин* (М. Шолохов); *Я с этим согласен, да, да!* (Н. Островский). *А мне понравилось. Да, понравилось.* Например, в последнем предложении утверждение, выраженное компонентом *да* есть представление, его название, а утверждение, выраженное компонентом *понравилось* более субъективно, в нем акцентируется, а том числе и интонационно, субъективное отношение говорящего к пропозиционально-событийному значению.

Общеизвестным является речевой принцип экономии. Особенно наглядно данное качество проявляет себя в разговорной речи, отражая естественное стремление говорящего минимизировать усилия и упростить собственную речь. Поэтому усложнение пропозиционального значения и акцентирование внимания на высказывании с помощью частиц не может быть в модальном плане нейтральным: *Вот так история, смех да и только. Да, домшко очень не дурен!* (Н. Гоголь); *Да в нашей реке и рыбы-то нету* (И. Тургенев); *В лице Анатолия было выражение душевной силы, да именно силы* (А. Фадеев); *Я с этим согласен, да!* (Н. Островский).

Утвердительно-отрицательные компоненты *да* и *нет* находятся в центре функционально-семантического поля утверждения/отрицания. Данные компоненты могут быть формально представлены в структуре предложения, однако для последнего это не всегда характерно, особенно если речь идет о средствах выражения утверждения. Авторское утверждение может быть лишь имплицитно включено в общее модальное значение предложения. Но и имплицитное утверждение, и утверждение, выраженное словом *да* (даже в виде свернутого ответа на вопрос), проявляет некое соотношение с действительностью, в частности в плане соотношения с реальностью/ирреальностью: *Кому да, да пожалуй; а нам - все нет да нет* (Пословица). Заметим, что подобное соотношение может также выражаться с помощью частиц *что, что же, как же*: *Что же, я готов. А что, разве это не так. Как же, жди от него еще раз помощи!*

Само значение утверждения/отрицания не является доминирующим в определении модальности, так как отношение к действительности отражает на грамматическом модальное значение реальности/ирреальности. Оппозиция же утверждения/отрицания представляет собой прежде всего логический план выражения модальности. Впрочем, известны примеры, когда утвердительные и отрицательные слова функционально выступают и в роли представления (предмет и его признак), и в роли отношения субъекта к этому представлению: *Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (Библия. Новый Завет). Таким образом, высказывание может быть сформулировано двумя словами: *да, да* или *нет, нет*. Первое в этом случае выступает в роли представления, второе же квалифицирует это представление и выражает отношение к нему, как к правильному или хорошему. Утверждение репрезентирует в этом случае и намерение говорящего как его отношение к действительности.

Сказанное можно отнести и к отрицательным словам русского языка. Усложнение семантической структуры предложения двойным отрицанием создает подчеркнутое утверждение, которое относится к «субъективно-модальному значению» [2, с. 220]: *Не могу не сказать; Нельзя не любить отечества*. Предложения с подобными оборотами имеют утвердительный смысл с подчеркнутым значением долженствования. Но если вместо одной отрицательной частицы употребляется отрицательная частица *ни*, то

происходит усиление отрицательного смысла. *Сколько бы он ни говорил, будто ему было легко, на самом деле было не легко* (Н. Г. Чернышевский). Частица *ни* может употребляться в сложных предложениях и для усиления утверждения: *Впрочем, как он умен ни был, водились и за ним многие предрассудки и предубеждения* (И. Тургенев). Придаточная часть такого предложения с помощью частицы *ни* усиливает то, что утверждается в главной части. Если данную придаточную часть заменить придаточную часть со значением уступки (*хотя он был умен*), то она уже не будет актуализировать утвердительное значение, а высказываемое будет иметь значение неопределенности в достоверности сообщаемого или в степени убежденности субъекта речи.

Субъективно-модальную окрашенность высказывание приобретает в том случае, когда с помощью частиц корректируется значение утверждения/отрицания. В этом случае данное значение оно может усиливаться или ослабляться. Частицы в этом случае вводят в предложение модально-кваликативные оценочные смыслы, сфокусированные на обозначении акцентированной достоверности или недостоверности сообщаемого [6, с. 21]: *Не было его даже в рядовых списках* (Ю. Тынянов); *Вишь, он даже не помнит как попал сюда* (В. Шукшин); *Погрелся, помылся, даже подфартило с родной бабой поластиться* (В. Распутин); *Правда, на улице Леплевский держался несколько поодаль от Ивана, его решимости вроде поубавилось* (В. Быков); *Мы не заблудимся? – озабоченно спросил он. – Ведь вроде уже должен быть пляж* (В. Пелевин); *Произошло это вроде бы перед самой войной, не то в конце мая, не то в начале июня 1941 года...* (В. Войнович); *Ну как не порадеть родному человечку* (А. Грибоедов).

Частицы как показатели субъективно-модальных смыслов могут также включаться в предложение для актуализации подчеркнутого согласия (*Ты сделал то, что тебя просили? – Ну да, давно. Вы его знаете? – Ну да, знаем*), выражения недоверия, сомнения (*Я уже сделал уроки. – Ну да?*), репрезентации акцентированного отрицания (*Сходи за хлебом. – Ну да, так я и пошел*), введения в предложение эмоционально-экспрессивных характеристик сообщаемого (*Уж зачем ты, заря алая, просыталася* (М.Лермонтов); *Уж как пал туман на поле чистое* (Песня); *Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна* (А. Крылов)).

Как уже отмечалось, основное значение субъективной модальности – это значение достоверности/вероятности, и ядерными компонентами данного значения являются модальные слова и модальные частицы. При этом следует заметить, что квалификации в аспекте достоверности подвергается не столько смысловой план предложения, отражающий модальное значение реальности/ирреальности, сколько смысловой плане утверждения/отрицания. Поэтому при анализе параметров взаимодействия комплекса модальных значений, можно предположить, что основой для квалификативной составляющей категории модальности, в зависимости от контекста, может выступать и категория утверждения/отрицания, поскольку именно событийное утверждение или отрицание подвергается субъектом либо сомнению, либо акцентивации параметра достоверности: *Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее* (В. Гаршин); *Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел* (В. Распутин); *Небось помните, как я вас любила* (И. Бунин); *О женихах небось мечтает, чертова кукла* (А. Чехов). После таких предложений, где модальными средствами актуализируется значение утверждения/отрицания, обычно предполагается утвердительная или отрицательная реплика собеседника.

Связь достоверности с утверждением/отрицанием обнаруживается при экспликации самой цели субъективной квалификации сообщаемого по параметру достоверности. Модальное значение достоверности, а также отклонение содержательного плана высказывания на условной модальной шкале «достоверность/вероятность» в сторону сомнения актуализируется говорящим для утверждения или отрицания истины.

Субъект речи использует модальные слова и частицы не для отнесения высказывания к области реальности/ирреальности (объективная модальность), а для обнаружения истины. Именно поэтому в русском языке нередко используются такие слова, как *правда* или *неправда*: *А мы правда думали, пропал, - сказала она. И не понять было: сожалеет или радуется* (В. Астафьев); *Наказано было, правда, старухе, когда не сможет или занеможет, обращаться за помощью к соседке вере, но до этого еще не дошло, Дарья справлялась сама* (В. Распутин). В логике истина основана на отношении суждения к действительности, в лингвистике же истина рассматривается как истинностная оценка, включающая прагматические факторы. На языковом уровне истинностная оценка выражается не только предикатами, но и модальными словами *правда, ложь, верно, да, нет*, например: *Вы очень похожи на Сашенькиного мужа... Там много ваших фотографий... Все, правда, размножены с одной...* (Ю. Семенов); *Но он и правда честен и верен – верит, что жив царь Николай, тишет все бумаги по-старому и клянется, что умрет с буквой «ять»* (М. Пришвин). А реплики наподобие *не правда ли* актуализируют утвердительное значение и требуют от собеседника утвердительного или отрицательного ответа: *Ты ведь будешь его носить, как подарок маленькой жены, не правда ли?* (А. Аверченко); *Мы и без него обойдемся – не правда ли?* (И. Тургенев). Таким образом, категория утверждения/отрицания активно взаимодействует, наряду с модальными значениями достоверности, актуализации (реальность/ирреальность), с коммуникативной установкой высказывания. Вопросительные предложения в вышеприведенных примерах требуют не только ответной реакции от участника диалога, но и подтверждения или отрицания высказанного коммуникантом мнения.

Отрицание истины необходимо, когда нарушается норма общения. Поэтому в речи чаще встречаются маркеры, отрицающие истинность, нежели утверждающие ее. В подобных высказываниях в модальную рамку включены и эмоциональные компоненты: *Врешь! Какая чушь; -Слов нет! Слов нет! – Дина Сергеевна чуть ли не плакала. – Что ж им теперь делать?* (В. Орлов).

Истинность в языке – это субъективное ощущение истины или проблематичности. Сама истина не оставляет сомнения, или не допускает его. Проблематичность тоже основана на субъективном представлении, но утверждение допускает не полную убежденность в истинности суждения. Сказанное подтверждают предложения со словами *наверное, вероятно* и т.д.: *Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественный в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель* (Н. Гоголь); *Вот потому-то, вероятно, и жизнь моя такая неудачная, что живем мы в доме номер тринадцать* (А. Чехов). Кроме истинности, основанием для достоверности является вероятность, основанная на знании или незнании (количественная оценка знаний о предмете). При этом событийное знание может быть отправной точкой для суждения о чем-либо, а может быть выводным (как следствием суждения): *Вероятно, я сегодня задержусь*.

Еще одним модальным значением, отражающим степень достоверности сообщаемого, можно назвать так называемую пересказываемость – передачу роли субъекта третьему лицу. Роль пересказываемости также заключается в обнаружении истины. Пропозиция такого суждения усложняется отнесением достоверности утверждения к третьему лицу как неучастнику процесса коммуникации. Показателем этого могут быть и сложные предложения, и предложения с вводными компонентами: *Теперь на гробах, говорят, есть клейма, положенные в знак того, что серебро составляет собственность не казенную* (Н. Лесков); *В молодости, говорят, он охотник был подрасться. И умел* (В. Шукшин); *По их мнению, это был не простой человек, который только прикидывался простоватым* (Д. Мамин-Сибиряк); *Эти так называемые испорченные, преступные, ненормальные типы были, по мнению Нехлюдова, не что иное, как такие же люди, как и те, перед которыми общество виновато более, чем они*

перед обществом, но перед которыми общество виновато не непосредственно перед ними самими теперь, а в прежнее время виновато прежде еще перед их родителями и предками (Л. Толстой). Пересказываемость, как и степень достоверности, взаимодействует с утверждением/отрицанием, актуализирует в высказывании данное модальное значение. Сама пересказываемость основана на утверждении, которое наслаивается на пропозициональное значение утверждения с целью подтверждения его истинности. Сложно представить пересказываемость с отрицательным значением (*не говорят, не утверждают*), поэтому такое модальное средство, по-другому определяемое как авторизация, служит для передачи модального значения достоверности, которое и в этом случае не лишено возможности смещения на аналогичной шкале: *Встретил Сперанского. Говорит, что, по сведениям «Русских Ведомостей», в Петербург едет немецкая комиссия...* (И. Бунин); *Военком... добавил, что, по предварительным данным, в течение первого часа после сообщения по радио о начале войны в военкоматы поступили тысячи заявлений от добровольцев* (А. Чаковский); *По сообщению австрийского Красного Креста, среди пропавших без вести русских волонтеров в Сербии числился поручик Гавриил Олексин* (Б. Васильев). О добавочном утверждении говорит Е.С. Скобликова [7], указывая на его полупредикативную функцию в высказывании. В данном случае речь идет о предложениях с обособленными второстепенными членами (определениями, обстоятельствами), полупредикативная функция которых в предложении определяет возможность преобразования данных компонентов в предикативные структуры. Полупредикативные обороты употребляются в письменной речи с целью упростить высказывание, сделать его менее громоздким. Данные структуры не актуализируются в высказывании, однако за ними сохраняется функция добавочного утверждения каких-либо признаков ситуации – признаков менее важных (с точки зрения говорящего) по сравнению с теми, которые выражаются сказуемым: *Лодка помчалась, бесшумно и легко вертясь среди судов. Ярко улыбалось безоблачное небо, изливая жгучий зной, спокойно слушая мятежный шум мутных волн. Они как будто дрогнули и, смутившись, подались назад* (М. Горький).

Целью актуализации в высказывании смысловых характеристик субъективной модальности достоверности является достижение говорящим параметра истинности сообщаемого, его объективности. В этом случае субъект речи стремится к правде, объективности, и такое стремление есть не что иное, как коммуникативный процесс, где участниками коммуникации являются говорящий и слушающий. Кваликативная категория модальности является одним из основных параметров процесса коммуникации, а значение утверждения/отрицания – его логической составляющей, без которой трудно представить сам процесс общения. Можно предположить, что субъективная модальность, в частности модальное значение достоверности, – это одно из логических и семантических оснований коммуникативного процесса, а утверждение/отрицание – языковая и логическая связка субъективной модальности с модальностью объективной, которая представлена отношением содержания предложения к действительности с точки зрения реальности/ирреальности. Утверждению и отрицанию в семантической структуре предложения, таким образом, должно отводиться значительное место, так как с их помощью устанавливается или отрицается связь между предметом суждения и его признаковой характеристикой. Кроме того, рассматриваемое значение может усиливаться или ослабляться про помощи языковых средств – модальных слов и частиц с утвердительным значением. Например, модальное слово *вероятно*, кроме основного значения водности, может употребляться и в качестве компонента, функционально приближенного к частице со значением недостаточно уверенного подтверждения: – *Он тебя любил? – Вероятно. Зачем бы он стал жить со мной, если бы не любил* (И. Меттер). Как видно, в одном слове сливаются и субъективно-авторская неполная уверенность в сообщаемом, и объективное утверждение (констатационное подтверждение сказанного).

В русском языке существует целый ряд слов, выражающих утвердительное и отрицательное значения в предложении. Эти слова, кроме объективно-модального утверждения высказываемого, актуализируют и субъективное значение утверждения/отрицания. Другими словами, указанное значение усиливается, акцентируется, становится субъективно значимым. Таким образом, кроме слов *да* и *нет*, составляющих в русской грамматической системе ядро функционально-семантического поля утверждения/отрицания, к центральной зоне данного поля относятся слова, которые имеют в своем значении архисему утверждения/отрицания и состоят между собой в парадигматических отношениях.

В периферийной зоне поля значение утверждения/отрицания выражено уже не столь явно, поэтому граница между центром и периферией представляется довольно условной. Показателем этого являются такие слова, как *вряд ли*, *едва ли*, *сомнительно*, *нельзя*, *неужели*, *невозможно*, *запрещено* и др., а также устойчивые сочетания слов наподобие *что и говорить*, *что ни говори*: *Человек он умный, что и говорить*; *Что ни говори, а он прав*. В первом примере устойчивое сочетание выражает уверенное утверждение, а во втором – утверждение, противопоставляемое другому утверждению. В данных конструктах утверждение квалифицирует сообщаемое как достоверное, или истинное. Следовательно, можно отметить, что утверждение квалифицирует высказывание как истинное.

Модальные частицы *едва ли*, *вряд ли*, а также ряд усилительных частиц эксплицируют квалификативное значение модусного уровня высказывания. В предложении субъективные модусные значения представлены имплицитно, а с помощью модальных частиц происходит их экспликация со сдвигом по шкале в сторону утверждения или отрицания: *Он вряд ли способен любить нежно* (М. Лермонтов); *Голубое шло к Эмеренции, но не шло к Поленьке... да вряд ли что-нибудь могло идти к ней, хотя ее нельзя было назвать некрасивой* (И. Тургенев); *По его мнению, лед еще тонок и вряд ли выдержит тяжесть автомашин* (В. Ажаев); *Меня не напечатают. Но и вас с Лучининым тоже едва ли. Не за что пока* (К. Тренев); *В начале войны они (проводники) сделали очень много, едва ли не больше всех на Северном флоте* (В. Каверин).

На периферии функционально-семантического поля утверждения/отрицания находится наречие *сомнительно*, выступающее в функции предиката: *Сомнительно, что все будет именно так*; *Он обещал написать статью за неделю. – Сомнительно!* Подобное значение сомнения выражается и вопросительной частицей *неужели*: *Неужели люди и динозавры жили в одно время?* (утверждение, что люди и динозавры жили в одно время, подвергается сомнению). Также показательно сомнение выражается в высказывании посредством частицы *разве*: *– Куда вы? – спросил он ее. – К обеду. Сегодня воскресенье. – А разве вы ходите к обеду?* (И. Тургенев) (модальная частица здесь выражает сомнение в имплицитной достоверности сообщаемого и, соответственно, предложение, помимо утвердительного вопроса, содержит и сомнение в том, что утверждается).

Как уже отмечалось, значение утверждения в русском языке выражается и с помощью отрицательной частицы *ни*. В утвердительном предложении данная частица отражает истинность того, что утверждается: *Кого я ни спрашивал, все говорили, что не знают его*. Усилительная частица здесь, взаимодействуя с утвердительным модальным планом предложения, «закладывает» в последнее субъективную основу достоверной истинности и делает данную смысловую характеристику мотивированной условиями коммуникации. Утверждение/отрицание в предложении представляется некоей «заготовкой», которую говорящий использует в речи. Подобным образом и языковая система используется для передачи смысла высказывания языковыми знаками, а субъективная и объективная модальность выступают в качестве модусной рамки, с

помощью которой языковой материал становится коммуникативно и прагматически значимым. Поэтому языковые средства выражения утверждения/отрицания являются показателями и инструментами реализации коммуникативной перспективы высказывания.

Обязательными инструментами реализации коммуникативной перспективы высказывания являются порядок слов и интонация. Интонация в русском языке – это продуктивный способ выражения субъективно-модальных значений наряду с частицами и модальными словами. Интонация проявляет себя как субъективный аспект высказывания и служит для подтверждения высказываемой мысли. Интонационный центр высказывания определяет роль и значение утвердительных слов в коммуникативном процессе. Например, частица *да* при интонационном выделении выражает значение утверждения; если же такого выделения нет, то она может иметь значение либо дополнительности, либо большей выразительности (*В глазах теплилась надежда; Да, именно надежда; Да так оно обычно и бывает; Да кто вы такой, чтоб так задаваться? Да хлеба купи!*) Утвердительная частица с помощью интонации и порядка слов может выражать недоверие, возражение или сарказм: *Найду я тебе врача. – Да, найдешь ты; Мы никогда тебя не оставим. – Да, не оставите, знаю вас*), а также значение утверждения, передаваемое интонационной конструкцией в значении «да, это так, тут ничего другого не скажешь: *Сын ее хорошим специалистом стал!*» [8, с. 787]. Интонация, таким образом, выражает субъективное отношение к сообщаемому. И если субъективность не выражена в высказывании грамматически, то у говорящего имеются большие возможности выразить ее интонационно. Компонент *да* в ответной реплике может быть употреблен как с нейтральной, так и с подчеркнутой интонацией, придавая тем самым утверждению субъективно-авторское значение истинности, а в целом высказыванию – субъективную значимость, что позволяет квалифицировать высказываемое как достоверное или истинное.

Выводы

Подведем итог. Значение утверждения/отрицания является неотъемлемой частью любого коммуникативно значимого сообщения. Во всех типах предложений данное значение фиксируется, наряду с параметром соотнесенности высказываемого с действительностью. Поэтому вполне обоснованно рассматриваемое значение утверждения/отрицания многие лингвисты относят к комплексу модальных значений предложения. Хотя утверждение/отрицание прежде всего реализуется на логическом уровне, в речевом аспекте, особенно в разговорной речи, оно может быть актуализировано в предложении интонационно и формально – в первую очередь утвердительными, отрицательными и модальными частицами, модальными словами, а также словами с утвердительной и отрицательной семантикой. В таких высказываниях утверждение/отрицание проявляет себя как компонент категории модальности, квалифицирующий сообщаемое с точки зрения достоверности/недостоверности, истинности, оценочности, эмотивности. На диктумном и модусном уровнях семантической структуры предложения модальное значение утверждения/отрицания выявляет различные квалификативные характеристики. На уровне диктума – это логический аспект предложения, а на уровне модуса – квалифицирующее субъективное модальное значение, которое необходимо учитывать как для логического понимания текста, так и для установления путей достижения коммуникативной задачи в целом. Диктум и модус сближаются в высказывании не только формальными средствами языка, но и с помощью имплицитных модальных значений, функционирующих в качестве рефлексоров субъективной квалификации высказываемого. С одной стороны, значение утверждения/отрицания актуализируется частицами, модальными словами, интонационно, а высказывание при этом приобретает коммуникативную значимость, субъективно обуславливается. С другой стороны, утверждение/отрицание явно отражает модусную,

субъективно-авторскую сферу, придавая высказыванию значение личностной квалификации сообщаемого. Рассмотрение данной категории позволяет говорить о высокой функциональной нагрузке языковых средств выражения утверждения/отрицания, их способности актуализировать различные модусные смыслы в коммуникативном процессе.

Список литературы References

1. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
Peshkovskij, A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii / A.M. Peshkovskij – М.: Uchpedgiz, 1956. – 511 s.
2. Русская грамматика. Том II – М: Наука, 1980. – 714 с.
Russkaya grammatika. Tom II – М: Nauka, 1980. – 714 s.
3. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский – М.: Наука, 1975 – 231 с.
Kolshanskij, G.V. Sootnoshenie sub"ektivnyh i ob"ektivnyh faktorov v yazyke / G.V. Kolshanskij – М.: Nauka, 1975 – 231 s.
4. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев – М.: Изд. МГУ, 1972. 198 с.
Lomtev, T.P. Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii / T.P. Lomtev – М.: Izd. MGU, 1972. 198 s.
5. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко – Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.
Bondarko, A.V. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' / A.V. Bondarko – Leningrad: Nauka, 1990. – 264 s.
6. Нагорный, И.А. К вопросу о функционально-категориальных характеристиках русских частиц: утверждение-отрицание и модально-оценочная квалификация сообщаемого / И.А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – №7(228), Вып.29. – С. 28-36.
Nagornyj, I.A. K voprosu o funkcional'no-kategorial'nyh harakteristikah russkih chastic: utverzhdenie-otricanie i modal'no-ocenochnaya kvalifikaciya soobshchaemogo / I.A. Nagornyj // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2016. – №7(228), Vyp.29. – S. 28-36.
7. Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) / Е.С. Скобликова – М.: Флинта: Наука 2006. – 320 с.
Skoblikova, E.S. Sovremennyj russkij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskij kurs) / E.S. Skoblikova – М.: Flinta: Nauka 2006. – 320 s.
8. Белошапкина, В.А. Современный русский язык / В.А. Белошапкина – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
Beloshapkova, V.A. Sovremennyj russkij yazyk / V.A. Beloshapkova – М.: Vysshaya shkola, 1989. – 800 s.